

ПОЕТИКА

Т.В.Филат

Днепропетровская медицинская академия

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ФУНКЦИИ КАТЕГОРИИ
ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ В.Г.КОРОЛЕНКО "С ДВУХ СТОРОН"

Небольшая гомодиегетическая (повествование от первого лица) повесть В.Г.Короленко, которую чаще именуют "рассказом"¹⁾ [7, с. 493], "С двух сторон. Рассказ моего знакомого", работа над которой длилась долгое время (начало относится к 1888 г., переработка к 1914 г., когда писатель готовил к печати полное собрание своих сочинений), почти не исследована. Комментаторы отмечают, что в результате переработки Короленко изменил форму повествования, сократил объём, подробно разработал ряд эпизодов (фиктивный брак, роман между Урмановым и "американкой", изменил ряд имён, углубил характеристику генерала и Тита) [7, с. 494], но художественное время и пространство остались без изменения. Внимание специалистов в первую очередь привлекают широкоизвестные рассказы и очерки 90 – 900-х гг. [8, с. 78-84], но далеко не все произведения этого периода изучены в достаточной мере, как и их поэтологические особенности, в частности, пространственно-временной континуум.

Семантика заглавия повести "С двух сторон" имеет не прямое пространственное, а переносное значение: имеется в виду два ряда факторов, повлиявших на героя-нарратора. Подзаглавие подчёркивает дистанцию между реальным автором и ауктором²⁾, который, однако, ему "знаком". У Чехова, с которым Короленко часто объединяют [1, с. 13, 485, 497; 5, с. 171-173; 9, с. 109-128], в числе вариантов заглавия "Рассказа неизвестного человека", как известно, был "Рассказ моего пациента", т.е. название содержало указание на некую "близкую" дистанцию между реальным автором и рассказчиком. Чехов в окончательном варианте отказался от этого, Короленко реализовал эту "близость" в исповедальном откровении своего героя-нарратора, адресующего свой рассказ "знакомому".

Автор повести "С двух сторон" создаёт жизненно-психологическую объёмность образа ауктора не столько за счёт введения биографических подробностей, а благодаря тому, что все события, пространство и время (пейзажи, интерьеры, фиксация течения, темпоральности, характеристика эпохи и т.п.) пропущены через психологию восприятия-

переживания героем-повествователем этих феноменов. Обилие пейзажей, психологическая характеристика окружающих его людей, круг упоминаемых авторов, известных ауктору, – Т.Г. Бокль, К.Фохт [7, с. 288], Э.Геккель [7, с. 289], О.Конт [7, с. 311], Писарев [7, с. 350], Лермонтов [7, с. 353], Крылов [7, с. 358], Гёте [7, с. 356], Тургенев [7, с. 366], Некрасов [7, с. 287], Галилей [7, с. 354], В.Зайцев [7, с. 348], Тацит [7, с. 326], глубина эмоциональных переживаний, склонность к рефлексии и к "философии", что отмечает его друг Тит [7, с. 356], самоанализ – все эти черты создают выразительный, рельефный, индивидуализированный образ представителя русского студенчества эпохи Тимирязева, ставшего прототипом образа профессора Изборского [7, с. 494]. Ауктор выступает и как "наблюдатель" чужой "истории любви" – Урманова и "американки", итог которой оказывается важным для его духовных исканий, размышлений, переживаний, и как исповедующийся человек, аналитически осмысливающий свои духовные искания в прошлом. Главное в повествовательной структуре повести Короленко – аналитическая саморефлексия ауктора, его характеристика студенческо-преподавательской среды, умонастроений времени, человеческих типов и характеров, помещённых в чётко очерченное социально-историческое время и конкретное, топонимизированное пространство Петровской академии. Наличие реального прототипа пространства отмечено в авторском примечании, в ссылке к тексту повести: "Так как и место действия, и время довольно определённы, то считаю нужным сделать категорическую оговорку, что личность, о которой идёт речь ("доносчик" Беличка), совершенно вымышленная. Чеха-профессора никогда, сколько мне известно, в академии не было" [7, с. 340]. Это замечание позволяет сделать вывод о том, что пространственно-временной континуум повести казался Короленко "довольно определённым", ориентация на его воссоздание входила в авторский замысел.

Основной принцип темпоральной организации связан с созданием временной дистанции между "историей" и временем "рассказа" о ней: доминирующим выступает "воспоминание" о переломном отрезке жизни ауктора, включённом в экзистенциальное время молодости, студенчества, где есть время детства [7, с. 331, 346], и более близкое прошлое, где ретроспективная темпоральность дана в линейном движении фабулы (фабульное время). Но экзистенциальное время ауктора предстаёт соотносённым с социально-историческим временем, прямо не датированном, но входящим в "большую историю", представлено через коллизии, событийный ряд, интеллектуально-психологические искания и ауктора, и его окружения, характерные для 1870-х гг. Герой-нарратор в начале второй главы признаётся, что речь идёт о его "воспоминании", связанном с возрастной темпоральностью: "Вспоминаю тогдашнее особенное настроение... Аромат юности" [7, с. 288], затем вводит лирически окрашенную рефлексию по поводу психологии восприятия времени [7, с.

288], берёт в кавычки понятие "чувство прошлого", в котором отмечает амбивалентное сочетание радости и грусти: "радостная печаль воспоминания", поясняя: "это значит, что душа жива и жизнь не потеряла своего аромата..." [7, с. 288]. Прошлое становится предметом раздумий и обобщений героя-повествователя, данных в повествовательном настоящем, как в жанре "воспоминаний", "мемуаров", наррация содержит двойную темпоральность - "того" и "нынешнего" – экзистенциального времени ауктора [7, с. 288,289]. О том, что речь идёт о прошлом, возрождённом в воспоминаниях, говорит он сам, отмечая психологию восприятия таких главных темпоральных модусов, как "прошлое" и "настоящее", предлагая обобщение: "Каждый возраст обладает своим собственным ароматом, который носится кругом, насыщает и переполняет для нас весь мир. В настоящем мы его обыкновенно не замечаем, именно потому, что он составляет постоянную атмосферу нашей души. Но стоит настоящему отодвинуться в прошлое, стоит нам войти в другую полосу жизни, и в памяти отлетевший жизненный колорит выступает так ощутительно, что мы удивляемся, как это мы не замечали тогда этой особенной атмосферы, не наслаждались ею в своё время сознательно и полно. А потом и новая полоса станет фрагментами, и окажется, что в ней тоже было своё очарование" [7, с. 288]. Фрагмент свидетельствует: герой-рассказчик не только обрисовывает время, но и философски размышляет о нём, его движении, психологии восприятия его человеком, отношении ко времени людей.

После первой фразы где употреблено прошедшее время глаголов ("шёл двадцатый год", "был студентом", "чувствовал"), что указывает на феномен воспоминания, следующее предложение прямо поясняет, что речь идёт о воспоминании юности, и дана его оценка: "Всё из того времени вспоминается мне каким-то сверкающим и свежим" [7, с. 286]. Затем идёт сводное перечисление особенностей пространства, ключом к которой является фраза: "Я был студентом Петровской академии..." [7, с. 286]. Короленко называет широкоизвестную в его эпоху подлинную Петровскую земледельческую академию, где он сам учился. Хотя нарратор не приводит точного названия села – "Петровское – Разумовское", где находилась академия (12,1817), но топографически точно перечисляет главные детали местности: "Здание академии среди парков и цветников, аудитории и музеи, старые "Ололыкинские номера" на Выселках, деревянные дачи в сосновых рощах..." [7, с. 286]. Герой-рассказчик перечисляет детали, а не описывает, как бы моделируя, передавая психологию воспоминания. Он включает в него не только общую дескрипцию пространства основного места действия рассказанной им истории, которое затем обретёт в повествовании живописные сквозные детали, реализуется в пейзаж или пейзажную зарисовку, а и отмечает "таинственные сходки на этих дачках или в Москве, молодой романтизм и пробуждение мысли..." [7, с. 286], что

социально-исторически темпорализирует пространство. Нарратор, включив себя в "мы", отмечает ожидание необыкновенного будущего: "Казалось, - нам предстоит что-то необыкновенное... Что именно, в точности неизвестно, но от этого все станут окончательно счастливы..." [7, с. 286]. И раздумья о будущем, и неопределённость представлений о нём и категории "счастье", с ним связанной, переданные многозначительной недосказанностью многоточий, выразительно передают менталитет студенческой молодёжи 60-х - 70-х гг.: на это десятилетие косвенно указывается, когда "датируется" упоминание о "драме нечаевского дела" [7, с. 304], которую хочет разгадать ауктор, "просиживая с книгой у грота Иванова" [7, с. 304]. "Нечаевское дело" относится к 1869-72 гг., начало работы над повестью датируется 1888 г., тем самым историческое время повести приходится на промежуток между ними. Короленко употребляет неопределённое выражение "в то время" [7, с. 291], календарно его не датируя. Но писателю важно не просто точно датировать время предложенной "истории"³⁾, где нет упоминаний об известных конкретных исторических событиях, а обрисовать историческую атмосферу 70-х – первой пол. 80-х гг. XIX в.: "Это было время, когда в Саратовской губернии расселилась группа интеллигентной молодёжи в качестве учителей, писарей, кузнецов... Были сочувствующие из земства и даже священники" [7, с. 381]. Социально-историческое время маркировано и идейными исканиями ауктора, и сюжетными ситуациями "фиктивного брака", и практикой "студенческих кружков", "сходок", иногда специально описанных, опорных в развитии фабулы и конфликтов [7, с. 371-376], кругом чтений нарратора: Бокль, Фохт [7, с. 288], Геккель [7, с. 289], Писарев [7, с. 350], Конт, Дарвин [7, с. 311]. Оно проступает и в замечаниях, что "в студенчестве начиналось новое движение", произошли "аресты" [7, с. 324], даже в описании женской и мужской моды "того времени" [7, с. 294-295], в упоминаниях и спорах о проблемах, актуальных для эпохи: скептицизм [7, с. 350], "физиологизм" в трактовке человека, отступничество – воспоминание о Галилее [7, с. 354], проблема конформизма, затронутая в лекции Белички как универсального "закона жизни" [7, с. 341] - "приспособление к среде". Возникает и упоминание о практике "доносительства": субинспектор предлагает ауктору стать доносителем [7, с. 337], профессора Беличку подозревают в доносительстве. Короленко прибегает к параллелизму, вводя две лекции: Беличка своей концепцией всеобщего "приспособленчества" цинично оправдывает биологией социально-нравственное поведение человека, высказывает весьма прагматичные идеи. В лекции профессора Изборского (прототип Тимирязева), текст которой пересказывает нарратор, сочетается научная информация о растениях со ссылкой на басню Крылова, а затем вводится характеристика социальных феноменов, не сводимых к "биологизму", как у Белички, и

высказывается гуманистическая, полная оптимизма мысль об "основных задачах интеллигенции" [7, с. 358], отнюдь не сводимая к "приспособлению к среде". Введённые аннотации лекций, где есть и цитация и пересказ, их проблематика тоже передают атмосферу времени, включаясь в систему косвенной, художественной "датировки" эпохи в повести "С двух сторон". Черты эпохального, социально-исторического времени очерчены и в менталитете героя-повествователя, озабоченного идейно-моральными исканиями, склонного в начале повествования, по его признанию, преувеличивать роль физиологии в трактовке поведения личности, чем увлекались в 70-е – начале 80-х гг., как подчёркивают специалисты по истории развития научных теорий, в чеховскую эпоху (10,66-69). Это увлечение позитивистско-физиологическими теориями уживалось с романтикой народовольческих идеалов. В герое-повествователе автор передаёт это исторически сложившееся сочетание, тем самым "датируя" его. Ауктор, признаваясь в увлечении "физиологизмом" в понимании человека, в то же время видит в себе представителя поколения [7, с. 381], которое смотрело на мир "сквозь... мечтательно романтическую дымку.." [7, с. 381]. Герой-рассказчик, по сути дела, констатирует своё преодоление увлечением физиологизмом, упрощавшим реальную сложность человеческой организации, признаваясь, что представление "Мысль есть выделение мозга, как желчь выделение печени" *"тогда"* (выделено мною – Т.Ф.) "казалось самоочевидным и окончательным" [7, с. 289]. В финале, после преодоления духовного кризиса и болезни, он порывает с прежним увлечением, приходит к выводу, где сознанию возвращено его значение: "А жизнь в ощущении и в сознании, то есть в целом... Мы живём в водовороте бесконечного чувства и мысли..." [7, с. 380]. Осознание значимости духовно-эмоционального начала в человеке свидетельствует о преодолении физиологического истолкования человека. К этому ауктор приходит не умозрительно, а путём осмысления собственного жизненного опыта, размышлений о природе человека в связи с теми событиями, о которых он рассказал и философски осмыслил. Временной фактор в рамках темпоральной ретроспективности рассказанной "истории" выступает как позитивное начало, неся с собой и научную, и этико-духовную зрелость героя-нарратора, преодоление им односторонности увлечения физиологизмом на путях познания феномена человека и самопознания.

Категория времени глубоко укоренилась в сознании героя-повествователя. Он употребляет выражения: "из того времени" [7, с. 286], "в то время" [7, с. 288, 291, 312], прибавляет к приводимому им девизу Фохта, сохранив язык подлинника ("Против глупости даже боги напрасно борются"), цитату: *"Наше время"* (выделено мною – Т.Ф.) ниспровергло противоположность между вещественным и нравственным и не признаёт более такого деления". В его рассказе постоянно

возникает вербально отмеченная темпоральность: "то время" [7, с. 294] или "тогда" [7, с. 289, 291], "недавно" [7, с. 332], "теперь" [7, с. 315, 321, 333, 338, 339, 340, 343, 346, 348, 349, 351, 352, 363, 367, 372, 380], "прежде" [7, с. 347], "ещё недавно" [7, с. 352]. Частое употребление этих временных наречий, относимых к прошедшему времени рассказываемой "истории", связано со стремлением героя-нарратора подчеркнуть изменение своего мироощущения через сравнения "раньше" – "теперь", рубежом между которыми служит потрясение – самоубийство Урманова – человека, вызывавшего его восхищение. Ауктор отмечает течение времени – "время шло" [7, с. 314], "год за годом" [7, с. 332], называет "каникулы" [7, с. 289], употребляет выражение: "Мне до сих пор чудится по временам этот бесстрастный голос..." [7, с. 329]. Упоминается время разных поколений: время генерала, который употребляет выражение "в наше время", но имеет в виду другую эпоху, о времени "отцов" говорит и субинспектор: "времена были строгие" [7, с. 337], и время ауктора, признающего, что он "был неспособен *в то время* (выделено мною – Т.Ф.) понять трагедию "старого мира". "Новый мир" поглощал всё моё внимание" [7, с. 312]. Короленко воссоздаёт острое "чувство времени", сознание себя в нём, какое характерно и для него, автора "Истории моего современника", и для его поколения писателей и читателей.

Ауктор признаётся и в своём субъективно-психологическом восприятии темпоральности: "...*в моём времени* (выделено мною – Т.Ф.) произошёл какой-то перерыв или, наоборот, оно прокатилось слишком быстро, как развернувшаяся пружина" [7, с. 331]. Дочь генерала, "американка" Валентина Григорьевна, говорит нарратору, имея в виду "биографическое время" его возможного вступления в брак: "Когда наступит *ваше время* (выделено мною – Т.Ф.) ... остерегайтесь всяких обязательств... Это тоже цепи... Помните одно: любовь свободна..." [7, с. 319]. Герой-повествователь фиксирует и природное время, хотя и без календарного определения года: "Осень в этом году была поздняя" [7, с. 323], "осенью" [7, с. 307], "от... прекрасной осени..." [7, с. 304], "...первые веяния осени" [7, с. 289], "поздней осенью" [7, с. 287], "прошлой осенью" [7, с. 325]. Не даётся и точная датировка дней, кроме одного раза, когда Урманов напомнил о "десятом августа" [7, с. 318], что, специально не объясняется, хотя, видимо, для героя это важно: постоянно отмечает время года (осень, начало зимы), где доминирует простое указание на пору, время суток, что не только передаёт обострённую темпоральность сознания героя, но и способствует движению фабульного времени, данного в его природно-астрономическом обличии и разнообразных словесных выражениях: "В этот день..." [7, с. 324, 348], "этот первый день" [7, с. 347], "сегодня" [7, с. 301, 347], "К следующему дню..." [7, с. 324], "следующие дни" [7, с. 347], "на следующий день" [7, с. 332, 348], "раннее и свежее зимнее утро" [7, с. 376], "поздней ночью" [7, с. 377], "за последние дни" [7, с. 375], "в этот вечер" [7, с. 303], "вечером" [7, с. 313],

"одним вечером" [7, с. 359], "вечер был тёмный" [7, с. 322], "ночью" [7, с. 348], "в безлунную звёздную ночь..." [7, с. 313], "в эти дни" [7, с. 348], "следующие дни" [7, с. 347], "наутро" [7, с. 347], "вчера" [7, с. 333, 335], "ещё вчера" [7, с. 339, 343], "утром" [7, с. 336, 342]. "между ночью и зарёй" [7, с. 327], "каждый день" [7, с. 326], "рано утром" [7, с. 326], "песня того вечера" [7, с. 322], "через два дня" [7, с. 302, 320], "три дня назад" [7, с. 317], "через день или два" [7, с. 315], "уехали на несколько дней" [7, с. 312], "недели две" [7, с. 363], "несколько дней после этого" [7, с. 315], "на несколько дней", [7, с. 312], "вернулись в конце недели" [7, с. 312], "месяца через два" [7, с. 307], "через несколько дней" [7, с. 295, 303], "нельзя ждать и двух недель" [7, с. 306], "через две недели" [7, с. 306], "на следующей неделе" [7, с. 306], "целыми часами" [7, с. 304], "перед вечером" [7, с. 290], "говорили в сумерках" [7, с. 290]. Точное называние времени суток возникает лишь дважды. В первый раз оно вводится как выполнение срока встречи, ранее оговоренной: "...ровно в восемь часов я встретился с Урмановым" [7, с. 303]. Во второй раз оно возникает, чтобы отметить особую длительность первого необычного визита ауктора к генералу: "...я вернулся в двенадцатом часу..." [7, с. 303]. Порою ауктор просто подчёркивает самодвижение времени: "Время шло" [7, с. 314], "...опять потянулось время" [7, с. 316], иногда более точно называет темпоральные отрезки: "через полчаса" [7, с. 301, 312], "потянулись минуты" [7, с. 316], "опять шли минуты" [7, с. 317], "с каждой минутой" [7, с. 319], "через минуту" [7, с. 326, 360], "ещё минута" [7, с. 342], "за минуту" [7, с. 317], "с минуту" [7, с. 326], "в ту минуту" [7, с. 376], "ожидание этой минуты" [7, с. 361], "я возьму у минуты" [7, с. 363], "в другие минуты" [7, с. 301], "после оживления первых минут" [7, с. 364], "в тяжёлые минуты" [7, с. 369], "несколько минут назад" [7, с. 371]. "Минута", одна из часто встречаемых в повести единиц отсчёта, имеет как буквальный темпоральный смысл, так и переносный ("в тяжёлые минуты", "ожидание этой минуты"), но в обоих случаях передаёт обострённость ощущения времени героем-нарратором как черту его психологии восприятия мира. Порою возникает и "секунда": "несколько секунд" [7, с. 307, 362], "следующих за этим секунд... не помню" [7, с. 330]. Эта дробность единиц времени не только фиксирует их значимость в человеческой жизни, напряжённый драматизм её течения, но и передаёт "чувство времени" у ауктора, которое включает в себя и собственно экзистенциальную, и социально-историческую, и природно-физическую темпоральность (варианты осенних картин природы в разное время суток).

Помимо точных временных отрезков, ауктор употребляет и приблизительные обозначения: выражения "всё время" [7, с. 377], "от времени до времени" [7, с. 352], "мало времени" [7, с. 306], "свободное время" [7, с. 304], "остался ещё на время" [7, с. 376], "в последнее время" [7, с. 362], "во всякое другое время" [7, с. 361], "В это время

подошёл пассажирский поезд" [7, с. 354], "В первый раз с того времени..." [7, с. 356], "некоторое время" [7, с. 308]. Они не обладают чёткими темпоральными границами, а несут в себе неопределённую сему времени, как и выражения "год за годом" [7, с. 332], "Мир...год от году меняется..." [7, с. 312], "ещё недавно" [7, с. 301, 332], "только что" [7, с. 368], "давно" [7, с. 370], "когда-то" [7, с. 346], "долго" [7, с. 322], "до сих пор" [7, с. 329], "после" [7, с. 359, 363], "прежде" [7, с. 314, 347], "с тех пор" [7, с. 347], "вскоре" [7, с. 308], "ещё недавно" [7, с. 332, 352], "скоро" [7, с. 353], "незадолго" [7, с. 335], "ранее" [7, с. 352]. Бергсоновская категория "длительности" в повести реализуется как движение времени, составленного из разных отрезков, которые психологически достоверно даны в более и менее точных единицах измерения, воссоздавая реальность темпорального сознания человека Нового времени. Короленко владеет богатой и разнообразной системой временных наречий и модальных слов, которые пронизывают повествование некой "темпоральной сеткой", состоящей из разномасштабных единиц времени, дифференцирующих фабульное время. Оно, с одной стороны, способствует индивидуализации героя-повествователя, передавая его особое внимание к течению времени в рассказываемой "истории", так как она врезалась в его память, и этим подчёркивается значимость событий "истории" для ауктора. С другой стороны, внешняя темпоральность повествования несёт важную служебную функцию: передаёт движение сюжета в фабульном времени, придавая динамичность наррации. Маркировкой фабульного времени служат наречия "однажды" [7, с. 286, 293, 304, 312, 314, 333, 353, 356, 367, 369] или "как-то раз" [7, с. 294], выделяющие важные ("одноразовые") события – "сингулятив", по терминологии Ж.Женетта [3, с. 141]. В повести "С двух сторон" есть и временные наречия, означающие повторяющиеся события – "итератив", по Женетту [3, с. 143]: "постоянно" [7, с. 357], "часто" [7, с. 352], "всегда" [7, с. 290, 293, 344, 358], "каждый год" [7, с. 293], "по-прежнему" [7, с. 353], "много раз" [7, с. 359], "по обыкновению" [7, с. 308]. Прибегая к этим двум типам темпоральности, Короленко воссоздаёт их реальное присутствие и соотношение в человеческой жизни, не придавая им того оценочного смысла, какой, например, присутствует в "Скучной истории" [11, с. 61-85]. Наречия "вдруг" [7, с. 293, 300, 301, 318, 343, 346, 358, 361, 362, 366, 368, 372, 375], "внезапно" [7, с. 329], включённые в поток стремительно развивающегося времени, всегда соотносены с психологическим состоянием ауктора, отмечают важность замеченного или понятого им. Особую семантическую нагрузку, как отмечалось, имеет употребление наречия "теперь": оно обозначает и разные этапы в прошлом, подчёркивая резкое изменение мироощущения героя-повествователя после самоубийства Урманова, и фиксирует общую темпоральную ситуацию, где ауктор, рассказывая о прошедшем времени, обладает двойным

обликом: он и герой прошлых событий, и отдалённый темпоральной дистанцией нарратор о них. Поэтому вводится комментарий о "прошлом" с позиций "настоящего": "*Мне казалось* или *кажется теперь* (выделено мною – Т.Ф.), что воспоминание о скрежете железа пронизывало меня каким-то внутренним ознобом" [7, с. 325]; "*Мне до сих пор* чудится *по временам* (выделено мною – Т.Ф.) этот бесстрастный голос..." [7, с. 329]. Это и упоминание о том, что герою "*теперь*" (выделено мною – Т.Ф.), т.е. после того, как он узнал о самоубийстве Урманова, "кажется, что свечка заглядывала в комнату как-то значительно и осмысленно" [7, с. 325]. Этот же намёк на феномен будущего, не совпадающего с прошлым в оценке товарищей, выражен фразой: "... если бы *тогда* (выделено мною – Т.Ф.) кто-нибудь раскрыл передо мною, выражаясь метафорически, "завесу будущего" и показал бы мне их теми, каковы они (товарищи – Т.Ф.) теперь, я был бы разочарован" [7, с. 291]. Но это признание не конкретизируется, так как нарратор прежде всего поглощён прошлым, составляющим основу темпоральности его "истории". Он испытывает своеобразную ностальгию по ушедшей молодости, своим былым увлечениям и друзьям. Такие отступления от линейного движения времени "рассказа" подчёркивают особую темпоральность повести, построенную на "двойном" времени: времени "истории" и "рассказа" о ней", отделённых значительным промежутком, где намечены два этапа экзистенции ауктора – молодость и зрелость.

В повести передано не только объективное течение времени, но и субъективное его восприятие: "*Мне показалось* (выделено мною – Т.Ф.), что бессознательное ожидание чего-то, которое я здесь смутно испытывал, было именно ожидание этой минуты. И ещё мне *казалось* (выделено мною – Т.Ф.), что я знал, что она приедет сегодня... во всякое другое время я догадался бы, что это (письмо – Т.Ф.) от неё" [7, с. 361]. Все вербальные обозначения времени, темпоральные меты, вводящие экзистенциальное, психологическое, природное время, соотносены с центрирующим их в повести социально-историческим временем, хотя не датированном, но семантически обозначенном в системе косвенной датировки (что подчёркивалось выше) середина 70-х – начало 80-х гг.

Темпоральные границы повести охватывают события нескольких осенних месяцев, представляя некий переломный период в жизни нарратора, отмеченный тем, что современные экзистенциалисты называют "пограничной ситуацией", поставившей героя-повествователя перед необходимостью осмысления феномена жизни и смерти. Вместе с тем временной промежуток связан и мотивирован образом жизни и учёбы студентов: ауктор замечает, что они "окончили практические работы по съёмке, отдыхали до начала лекций..." [7, с. 287], что это были "каникулы", которые "приходили к концу" [7, с. 289]. Такая характеристика временного периода, данного в повести, соотносит

"личное" время нарратора с социально-бытовым временем студенчества, в среде которого он живёт. В повести "С двух сторон" предстаёт временная градация многослойной социально-исторической темпоральности: в ней тесно соотнесены экзистенциально-личностное время ауктора со временем студенческого бытия, его окружения (каникулы), которые взаимосвязаны со временем эпохи, представлены, как отмечалось, и жизненными коллизиями, и характером духовных исканий, психологией и менталитетом действующих лиц. В этой повести Короленко проступает специально отмеченное Р.А.Будаговым умение писателя передать и в образе отдельного человека черты исторически сложившегося "поколения", и дифференцированно представлять это "поколение", что особенно ярко проявилось в реализации семантики слова "современник" в самом значительном и интересном его творении – в "Истории моего современника" [2, с. 251-256].

Но герой-рассказчик внимателен и к природной темпоральности, он несколько раз отмечает время осени, приводит осенние пейзажи, а в эпилоге повести (в "Заклучении"), рассказывая о своём выздоровлении, отмечает, что оно приходится на начало зимы: "Я очнулся ранним и свежим зимним утром" [7, с. 376]. Небольшой промежуток времени, о котором вспоминает герой-повествователь, насыщен не только экстремальными событиями, его потрясшими, но и отмечен его напряжёнными духовными поисками и переживаниями, образуя драматический сплав экстремального времени и времени рефлексии, где индивидуализированная экзистенциальная темпоральность тесно соотнесена с социально-исторической эпохой, детерминирована ею: в повести "С двух сторон" тоже дана "история современника" Короленко.

В этой повести речь идёт о прошлом, данном в "повествовательном настоящем", однако в ней присутствует и категория будущего времени. Она, являясь важной социально-нравственной заботой-проблемой для всех главных действующих лиц, предстаёт оптимистической, но общей, не уточненной временной перспективой: "Жить, жить..." [7, с. 381], – решает для себя после духовного и физического выздоровления ауктор. Повествуя о себе в прошлом, герой-рассказчик считает, что "тёмное настоящее" "мы... скоро изменим..." [7, с. 290]. Отношение к будущему характеризуется эволюцией ауктора. Так, во время духовного кризиса, рассуждая о возможном будущем как некоем "конце мира", он его относит к приближительному времени "через "двести-триста лет"... [7, с. 355], хотя и подчёркивает, что это – условная, эсхатологическая гипотетическая перспектива важна в его рассказе для постижения человеческой психологии. Однако такая концепция будущего, отвечая мрачному умонастроению героя, резко отличается от его прежних радужных представлений о лучшем и близком будущем, очерченных в начале повести. В повести "С двух сторон" возникает темпоральная неопределённость будущего, выраженная наречием "когда-нибудь" [7, с. 358],

которое употребляет прогрессивно мыслящий профессор: "Общественные формы эволюционируют. Просвещение перестанет *когда-нибудь* (выделено мною – Т.Ф.) быть привилегией" [7, с. 358]. Если он не может точно назвать время в будущем, то твёрдо уверен, что задачи интеллигенции в любое время всегда одни и те же. "Но, – каковы бы ни были эти новые формы – знание, наука, искусство, основные задачи интеллигенции останутся *всегда* (выделено мною – Т.Ф.) важнейшим из жизненных процессов отдельного человека и всей нации..." [7, с. 358]. О лучшем будущем для бедной семьи будочника [7, с. 333] думают студенты, хотя в "настоящем" помогает им лишь далёкий от громких программных заявлений Тит. О неопределённом "когда-нибудь" личной жизни ауктора [7, с. 318] говорит "американка". Наряду с этими фрагментарными замечаниями в повести вводится и специальное размышление героя-нарратора о будущем. Рассказывая о духовном кризисе, "перевороте", который он переживает после самоубийства Урманова, в беседе с Титом ауктор рассуждает о роли будущего времени для сознания человека и его жизнеповедения. Он задаёт своему собеседнику вопрос о том, как бы чувствовали себя люди, узнав, что "мир, как старая развалина, одряхлел, заболел, кряхтит и скоро свалится, ну, скажем, этак через двести-триста лет... Правда, тебе стало бы очень скучно?.. А между тем, что тебе за дело до того, что будет через триста лет? И всё-таки руки опустились бы..." [7, с. 355]. Ауктор подчёркивает, что необходима надежда, уверенность в торжестве правды, красоты, добра, любви [7, с. 356], но ему кажется, что всё это "бутафория, декорация" [7, с. 356], а отсюда и отчаяние, и потеря веры в необходимость борьбы. Тит говорит, что "прежняя... философия была гораздо приятнее..." [7, с. 356], а ауктор считает, что он расстался с "идеализмом", над которым его друг раньше подсмеивался [7, с. 356]. Однако к концу повести отчётливо проступает концепция спасительной силы времени, несущая преодоление стресса, кризиса, возобновление общения с друзьями: "...глаза Изборского, лицо Доси и что-то ещё на заднем фоне сознания..." [7, с. 377] приводят его к осознанию радости жизни, к признанию того, что "мы живём в водовороте бесконечного чувства и мысли..." [7, с. 380], к финальному призыву: "Жить, жить..." [7, с. 381], т.е. к вере в будущее. Но, как уже отмечалось, основное художественное время в этой повести Короленко "мемуарное", "двойное". Ауктор даёт оценку своему экзистенциальному времени в рамках категории "тогда": "Я был *необыкновенно доволен своим настоящим* вообще и *нынешним днём* в частности. Всё было интересно и прекрасно. Так *ещё недавно* я был школьник в захолустном городе. *Иногда* мне казалось, что я совсем *взрослый*, что я стал взрослым ещё в гимназии, *когда* стал читать умные книги и "вырабатывать убеждения". *В другие минуты*, наоборот, я всё ещё *чувствовал себя мальчиком*. Это были как бы рецидивы *детства*, и они меня очень огорчали. *Сегодня* я

был решительно взрослый, серьёзный молодой человек" (выделено мною – Т.Ф – 7,301). В этой саморефлексии о прошлом своего "я" верно передана двойственность возрастной психологии самосознания юноши, которая осмысливается в "теперь" нарратора. В аукторе совмещены разные экзистенциально-возрастные ипостаси, элемент самоиронии присутствует в использовании кавычек в выражении "вырабатывать убеждения" как программе "того" времени.

Короленко, как верно заметила Д.А.Завельская в связи с другим произведением писателя, использует "пограничную ситуацию", при которой "некий важный жизненный смысл, затемнённый прежде, предстаёт во всей беспощадной ясности" [4, с. 49]. Не думающий раньше о смерти, ауктор сталкивается с нею в связи с неожиданным самоубийством восхищавшего его Урманова. Писатель вводит ситуацию переживания "катастрофического времени", когда ауктор видит труп Урманова и испытывает психологический шок, переданный потерей ориентации во времени: "Следующих за этим секунд я совсем не помню. Были ли это секунды, или минуты, или часы, я не мог бы дать в этом отчёта. Знаю только, что в это время что-то быстро повернулось во мне... Я вдруг вспомнил скрежет железа и чудовищные, как выстрелы, вздохи локомотива... Мне показалось, что я их слышу в эту минуту, и я невольно, предостерегающе громко крикнул:

- Урманов, Урманов!" [7, с. 330].

Категория художественного времени многофункциональна, воссоздаёт эпоху, входит в сферу создания психологизма, важна для обрисовки эволюции героя-рассказчика, динамизации сюжета. Дистанцированный во времени от своего прошлого "я", рассказчик, повествуя о себе, проявляет самоиронию, беря в кавычки клише из лексикона народовольцев ("те, кто заставляет жить людей в таких ужасных условиях", "мы это скоро изменим"), пользуясь многозначительностью многоточия. "Мемуарность", предполагающая двойственность повествующего "я", связанного с разными временными этапами, проступает в "теперешнем" воспоминании о прошлом, которое тоже расчленено на "раньше" и "потом". Это подчёркивается и вербально, комментированием ауктора, знающего результат события, но не раскрывающего его читателю, а лишь намекающего на это знание (речь идёт о соглашении Урманова на фиктивный брак с "американкой"): "Может быть, это опять предчувствие задним числом... Может быть, мне просто хотелось разыграть самому интересную роль участника в фиктивном браке, только что-то будто толкнуло меня, и я сказал..." [7, с. 307]. И вводимое дважды "предположительное" "может быть", и употребление выражения "задним числом", т.е. с позиции более позднего времени, известных, но не раскрытых ауктором трагических последствий злополучного фиктивного брака - это элементы того, что Тодоров и Женетт называют "предсказательной наррацией" [3, с. 228], однако Короленко не хочет

разрушать интерес читателя к интриге преждевременным раскрытием "знающим" aukтором, и основной повествовательный поток движется в линейной последовательности "повествовательного настоящего". Такой тип повествования Женетт называет "последующей наррацией", "классической позицией повествования о прошлом" [3, с. 228]. Но при этом Короленко акцентирует, как уже отмечалось, "двойную темпоральность", совмещение в наррации сравнений "тогда" и "теперь", позволяющее темпорализировать героя-повествователя. Он не забегаёт вперёд, а лишь намекает, что повествует с позиции более позднего времени, когда ему известен финал тех событий, о которых он повествует (элементы "предсказательной наррации"), часто напоминает о заявленной в самом начале повести нарративной ситуации "воспоминания". Вводимые слова "помню", "впоследствии" выступают сигналами прошедшего времени, aukтор с их помощью подчёркивает разницу в своём восприятии книг в "прошлом" и "настоящем" [7, с. 288], отмечает изменение отношения к теории "материализации" сознания [7, с. 289] или упоминает о реакции товарища на его письма в прошлом [7, с. 323]. Эти темпоральные лексемы наряду с начальным указанием на прошедшее время тоже призваны напомнить о темпоральной дистанции между "историей" и временем "рассказа" о ней. Темпоральное движение в повести, как отмечалось, маркировано разнообразными временными "знаками", набором временных наречий, что обрисовывает своеобразное сознание и восприятие мира героем-рассказчиком, усиливает и внешнюю, и внутреннюю динамику повествования, выдвигает событийный ряд, пропущенный через индивидуализированное воспоминание, на авансцену повествовательной структуры. Фактор движения времени, создающий "пульс динамики" повествования, "свидетельствует о вечном движении жизни", о её "неостанавливаемом ритме" [4, с. 48]. Художественное время в повести "С двух сторон", данное в разных аспектах (социально-историческое, природное, психологическое, экзистенциальное, экстремально-катастрофическое, бытовое), представленное в структуре, свойственной двойной мемуарной темпоральности ("теперешний" рассказ о прошлом), несёт и важную идейную, образно-семантическую нагрузку, и выполняет "служебную" функцию динамической организации наррации. Темпоральность содержит в себе и философскую жизнь автора, далёкую от пессимизма⁴⁾, переживание "пограничной ситуации", "катастрофического времени" приносит aukтору повести присутствие её создателю "трезвое осознание драматизма бытия и в то же время приятие этого бытия" [4, с. 50].

Примечания

1) Как и по отношению к прозе Чехова, так и к произведениям Короленко определения "рассказ", "повесть" не имеют статуса чёткой дефиниции, разные специалисты рассматривают их то в одном, то в другом жанровом ряду главным образом потому, что между "малым" и "средним" эпическими жанрами в это время

не было выраженной границы, которая и в другие эпохи была слабо различимой, а в жанровой практике кон. XIX в. почти стёрлась. Можно использовать описательное определение "повесть-рассказ" или "маленькая повесть". В обычном списке "повестей" Короленко 1880-х гг. значатся [1, с. 498]: "Слепой музыкант" [1886], "Проход и студенты" [1887], "На заводе", главы из повести "Табельщик" [1887].

- 2) Т.е. героем-нарратором, термин введён в 1955 г. Л.Штанцелем [13].
- 3) Косвенно её датирует и упоминание ауктора о времени выхода книги Фохта "Зоологические очерки" [7, с. 288].
- 4) Короленко писал в одном из писем: "Жизнь вообще в самых мелких и в самых крупных своих явлениях кажется мне проявлением общего великого закона, главные основные черты которого добро и счастье ... общий закон жизни есть стремление к счастью, и всё более широкое его осуществление" [6, с. 64].

1. Бессонов Б.Л. Повесть в переходной ситуации 1880-х годов // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. – Л., 1973. – С.485-508.

2. Будагов Р.А. О слове "современник" в "Истории моего современника" В.Г.Короленко // История слов в истории общества. – М., 1971. – С.251-256.

3. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры: В 2-х тт. – М., 1998. – Т.2. – С.6–280.

4. Завельская Д.А. Роль парадокса в творчестве Короленко // Филол. науки. - 1998. - №2. – С.42-50.

5. Каминский В. Чехов и Короленко // Нева. – 1960. - №1. – С.171-173.

6. Короленко В.Г. Письма к П.С.Ивановой. – М., 1930.

7. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 тт. – М., 1954. – Т.4.

8. Мазур Р.А. Идеино-художественное своеобразие рассказов и очерков В.Г.Короленко 90 – 900-х годов // Вопр. рус. лит. – Вып.1(43). – Львов, 1984. – С.78-84.

9. Семанова М.Л. Чехов и Короленко // Пути русской прозы XIX века. – Л., 1976. – С.109-128.

10. Усманов Л.Д. Художественные искания в русской прозе конца XIX века. – Ташкент, 1975.

11. Филат Т.В. Свообразие художественного времени и темпоральной структуры "Смерти Ивана Ильича" Л.Н.Толстого и "Скучной истории" А.П.Чехова // Наук. зап. Харків. держпед ун-ту: Серія літературознавство. – Вип.10(21). – Харків, 1998. – С.61-85.

12. Энциклопедический словарь Ф.Павленкова. – 4-е изд. – СПб, 1910.

13. Stanzel F.K. Theorie des Erzählens. – Göttingen, 1979.

Summary

The article presents the analysis of modeling and function of artistic time in the narrative "From Two Parties" by V.G.Korolenko, where temporalized space of Petrovskaya academy (the place, where the main hero studied can be observed).

The artistic time in the Korolenko's narrative is given in different aspects (social-historical, natural, psychological, existential, catastrophic, household). It is submitted in the structure that is peculiar to remembrance ("the present" story about the past), bears important ideological figurative-semantic loading, executes "service" function of dynamic organization of narration.

Стаття надійшла до редакції 25.07.2001.